

Раздел 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОФЕССОРА О. М. СОКОЛОВА
И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ

УДК 811.161.1'366.587+373[611-612]+(038)81.28

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ О. М. СОКОЛОВА
И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. О. Соколова

В статье в хронологическом порядке охарактеризованы проблемы, входившие в круг научных интересов профессора О. М. Соколова, дан краткий анализ его взглядов по ключевым вопросам морфемики, словообразования, лексикологии, аспектологии, имплицитной морфологии и теории фреймов, очерчены перспективные направления развития его идей.

Ключевые слова: вариантность, глагол, фазовость, оппозиция, префикс, имплицитная морфология, фрейм.

Творческий путь О. М. Соколова в языкознании начался в 1954 г., когда молодой выпускник Ленинградского университета приехал по распределению в старинный сибирский университетский город Томск. Основная специальность, по которой он учился в университете, была «славянская филология», специализация — болгарский язык и литература, диплом защищал по болгарской литературе; дополнительная специальность, которую им добавили на шестом курсе, потому что на славистов не было достаточного количества заявок, — русский язык и литература. Так случилось, что в Томске не было именно слависта, поэтому его взяли прежде всего как знатока болгарского ассистентом на кафедру русского языка историко-филологического факультета. Конечно же, на небольшой кафедре молодому специалисту пришлось вести практически все курсы — от болгарского и современного русского языков до диалектологии, о которой он поначалу имел довольно смутное представление, руководить диалектологической практикой студентов. О диалектологии в жизни О. М. Соколова следует сказать особо, потому что в его взаимоотношениях с этой наукой сложилось отношение к науке вообще.

Дело в том, что к моменту его прихода на кафедру русского языка ее сотрудники долгие годы плодотворно занимались диалектологией, проводя практически все летние месяцы в экспедициях. Был собран обширный и бесценный материал по русским старожильческим говорам Томской области, который впоследствии лег в основу одного из первых специальных диалектных словарей. Носителями этого говора были в основном пожилые люди, преимущественно малограмотные, которых с каж-

дым годом становилось все меньше. Поэтому, если бы та работа не была сделана 50 лет назад, бесценные для науки данные были бы безвозвратно утрачены. И молодой сотрудник присоединился к этой работе, да так активно, что всего через пять лет без аспирантуры и научного руководителя защитил на диалектном материале кандидатскую диссертацию “Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области”. Проблему для изучения он нашел себе сам, приложив опыт “теории морфологического варьирования слова к изучению словообразовательной системы говоров” [14, с. 2], т. е. решив теоретическую проблему грамматики на диалектном материале. В то время это было необычно, поскольку диалект преимущественно изучали на лексическом уровне. Более того, проблема оказалась настолько перспективной, что морфологическую вариантность в Томском университете изучают до сих пор, о чем свидетельствует вышедший несколько лет назад “Словарь вариантной лексики сибирского говора” З. М. Богословской с посвящением О. М. Соколову [2]. Я подробно останавливаюсь на этом факте потому, что он характеризует личность ученого, для которого интересным был сам процесс научного познания, а осуществлять его можно на любом материале. Этот научный оптимизм потом помогал ему всю жизнь, поскольку позволял пропагандировать свои идеи в изданиях любого тематического направления, что было очень важно для ученого, жившего на периферии и не имевшего возможности публиковать книги. И в это же время сформировался стойкий интерес к глагольному словопроизводству, прежде всего префиксальному, что вывело впоследствии на теоретические проблемы категориальной и функциональной грамматики. Если обратиться к списку его трудов, то видно, как постепенно их тематика расширялась от собственно диалектной проблематики к общетеоретической. В 1964 – 67 гг. наконец вышел “Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби” (в 3-х томах), в котором около 1500 статей (в основном посвященных глаголам) написал Олег Михайлович [7], а через 10 лет — два тома дополнения, где он был автором всех глагольных статей [8].

Уже в начале 60-х гг. Олег Михайлович начал всерьез интересоваться собственно грамматической стороной глагольной префиксации, ее связью с категорией вида. Интересно, что именно в это время формируется Ленинградская школа аспектологов, во главе которой стоял Ю. С. Маслов, начинавший свою преподавательскую карьеру в ЛГУ, когда Олег Михайлович был студентом, и выходят публикации, ставшие для аспектологов программными — сборник “Вопросы глагольного вида” [4] и статья Ю. С. Маслова “Система основных понятий и терминов славянской аспектологии” [5]. По оставленным на полях заметкам видно, как внимательно и критически они были прочитаны. Олег Михайлович и Юрий Сергеевич всегда относились друг к другу с большим уважением, обменивались публикациями, о чем свидетельствуют дарственные надписи на книгах, сделанные рукой Ю. С. Маслова.

Проблема тождества и различия языковых единиц как расширение проблемы вариативности, продолжала интересовать Олега Михайловича. Интересно, что его первые публикации по аспектологии и лексико-словообразовательным оппозициям появлялись параллельно, иногда в одном сборнике, однако на некоторое время лек-

сико-словообразовательные оппозиции одержали верх.

Уже рождалась идея матрицы — простой и понятной схемы классификации типов оппозиций двусторонних языковых единиц. Изучая внутреннюю валентность префиксальных глаголов, ученый пришел к выводу, что в словообразовательной системе языка префиксы могут выполнять две взаимосвязанных функции — дифференцирующую и интегрирующую. Если интегрирующая функция словообразовательных аффиксов изучалась довольно активно (словообразовательные ряды, модели и т. п.), то об их дифференцирующей способности только начинали говорить, а проблема морфемной валентности была совсем не разработана. Олег Михайлович предложил называть свойство служебных морфем избирательно соединяться с разными видами мотивирующих языковых единиц в зависимости от их формально-семантических особенностей словообразовательной дивергенцией [10]. Понятие дивергенции в языкознании до этого использовали в глоттогоническом и структурно-диахроническом аспектах (во втором — преимущественно в исторической фонологии). Относительно словообразовательных рядов термин “дивергенция” был впервые употреблен О. С. Ахмановой [1, с. 113], однако скорее не как термин, а как образное выражение. В работах Олега Михайловича конца 60-х – начала 70-гг. дивергентный подход, основанный на оппозиционном анализе, стал методом исследования. Тогда же зародилась идея словаря префиксальной валентности [16]. Матрица позволила свести в единую систему все известные типы лексических оппозиций, выделить промежуточные типы и установить взаимосвязь между разноуровневыми оппозициями (например, лексическими и морфемными). Сущность матрицы состоит в следующем (см. таблицу).

“Матрица состоит из девяти квадратов, полученных в результате последовательного учета различий в форме и содержании языковых единиц. Предполагается учет трех степеней различия в форме и содержании: полное сходство (тождество), частичное сходство, полное различие корневых морфем. В таблице, помещаемой ниже, постепенное нарастание различий в форме обозначено буквами А, В, С, а постепенное нарастание различий в содержании обозначено цифрами I, II, III” [11, с. 12]. Примеры в матрице подобраны на лексическом уровне, однако точно такую же матрицу можно использовать и для оппозиций морфемного уровня. Можно для каждой пары слов с одинаковым морфемным членением (например, для префиксальных глаголов) вывести закономерности морфемно-семантической комбинаторики. Монография “Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: (Материалы для спецкурса)” [9], вышедшая в Томске в 1972 тиражом 300 экземпляров на ротاپринте, давно стала раритетом, не утратив своего значения до сих пор. Этой проблематике, кроме работ самого Олега Михайловича, посвящен ряд кандидатских диссертаций его учеников, в частности, Г. Ю. Богданович (Бубякиной). Идеи Олега Михайловича по словообразовательной мотивологии воплотились в докторской диссертации М. Н. Янценецкой, к сожалению, тоже очень рано ушедшей из жизни, и ее учениц Н. Б. Лебедевой, Н. Е. Грушко. Я использовала этот подход для украинского языка, на материале украинских отглагольных существительных защитила кандидатскую диссертацию уже моя ученица Л. Н. Колиба-

Матрица

		Ф о р м а		
		А	В	С
Содержание	I	Отношения абсолютного тождества: <i>ключ₁ (от двери) = ключ₁;</i> <i>ключ₂ (к сердцу) = ключ₂;</i> <i>ключ₃ (ручей) = ключ₃</i>	Отношения фонетического и морфологического варьирования: <i>отключить (телефон) =</i> <i>выключить (телефон);</i> <i>исключить (из игры) =</i> <i>выключить (из игры)</i>	Отношения лексической дублетности: <i>заключить (в тюрьму) =</i> <i>зачить (в тюрьму);</i> <i>отключить (свет) = отсоеди-</i> <i>нить (свет)</i>
	II	Отношения семантического варьирования: <i>ключ₁ (от двери) ≈ ключ₂ (к</i> <i>сердцу)</i>	Отношения однокорневой синонимии: <i>ключник ≈ ключарь</i>	Отношения разнокорневой синонимии: <i>отключить (провод) ≈</i> <i>оторвать (провод);</i> <i>заключить (собрание) ≈</i> <i>закреть (собрание)</i>
	III	Отношения омонимии: <i>ключ₁ (от двери) ≠</i> <i>ключ₃ (ручей);</i> <i>зачить (в крепость) ≠</i> <i>зачить (карандаш)</i>	Отношения паронимии: <i>ключица ≠ ключница, ключич-</i> <i>ный ≠ ключевой</i>	Отношения лексической внеположенности: <i>отключить (свет) ≠ отсидеть</i> <i>(на уроке);</i> <i>заключить (в крепость) ≠</i> <i>зачеть</i>

ба. Практически все диссертации учеников Олега Михайловича в той или иной мере используют идею матрицы. Матрица наглядно иллюстрирует особое положение антонимов в лексической системе языка в противовес традиционному противопоставлению “синонимы — антонимы”, определяет место энантисемии (антонимия в пределах полисемии) [19; 22], этому явлению также посвящен ряд работ, в частности, диссертация Л. Е. Бессоновой (на украинском материале — Т. А. Федоренко).

С 1975 г. начинается Симферопольский период в жизни Олега Михайловича. Именно в Симферополе, где не было своего печатного органа, он был вынужден публиковать свои работы, приспособив их тематике разных сборников и конференций, впрочем, это у него неплохо получалось. Практически впервые близко познакомившись с украинским языком лишь после 1975 года (переезда в Симферополь) и не владея им активно, он выступил на конференции “Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков” (Донецк, 1977) с докладом “Стилистическое исследование системы способов действия славянских глаголов”, материалы которого впоследствии вошли в монографию Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР [21]. Известно, что стилистическая система наиболее сложна для восприятия в неродном языке, однако Олег Михайлович справился с задачей блестяще, отметив, например, такую особенность украинского глагола, как невозможность присоединения второй приставки к производному глаголу совершен-

ного вида (СВ) (ср.: рус. синонимические пары *пов'ысыпать* — *повысып'ать*, *повывернуть* — *повывертывать* и др.). Вероятно, сказала славистическая подготовка, полученная в Ленинградском университете, где неприличным считалось не понимать любой славянский язык, не читать на всех славянских языках.

Через некоторое время удалось “пробить” свой сборник (ведь публиковаться нужно было не только профессору!) “Проблемы лексической и категориальной семантики” (1980, 1982). Помню, как “хитро” оформили первые два сборника, поставив на их обложке соответственно буквы “а” и “б”, однако сделать его периодическим изданием так и не разрешили, и в следующих сборниках пришлось даже корректировать название: “Исследования лексической и грамматической семантики современного русского языка” (1983) и “Исследования по семантике” (1987).

После защиты докторской диссертации интерес О. М. Соколова к проблеме семантической комбинаторики не угасал, однако все большее внимание привлекали аспектуальные категории, сложилось свое понимание вида и системы способов действия, основанное на понятии фазовости (фазисности) как неотъемлемой части семантики видового противопоставления. “Фазисность есть не что иное, как определенный тип предельности процесса” [20, с. 4], поэтому “фазисное значение не только не противоречит значению совершенного вида, но может составлять его содержание” [20 с. 5]. В то время ведущим определением сущности видового противопоставления было определение через понятие целостности (комплексности) и непроцессности СВ, противопоставленного нецелостности (некомплексности) и процессности несовершенного вида (НСВ). “Можно согласиться с тем, — пишет автор, — что глаголы СВ обладают инвариантным значением целостности и непроцессности именно потому, что по своему содержанию они обозначают одну из фаз прохождения процесса, выраженного глаголом НСВ” [20, с. 6].

Выделены 4 основных типа фазисных отношений:

1. Начало процесса (состояния) (СВ) — процесс (состояние): *запеть* — *петь*, *надуться* — *дуться на кого-н.*;

2. Завершительная фаза процесса (действия) — процесс (действие): *сверлить* — *просверлить*, *подковывать* — *подковать*;

3. Ограничение процесса некоторой порцией времени, не ведущее к исчерпанности действия вследствие недостижения реального результата: *играть* — *поиграть*, *работать* — *поработать*;

4. Глагол СВ обозначает завершенность действия, не разобщенного с моментом его возникновения во времени, единичного в своем проявлении и противопоставлен регулярной повторяемости, выраженной глаголом НСВ: *прыгать* — *прыгнуть*, *жать (пожимать)* — *пожать (руку)*.

Фазисные отношения могут быть осложнены дополнительными лексическими различиями, однако “какие бы лексически сложные оттенки значений не добавлялись к собственно фазисным, количество основных оппозитивных типов остается стабильным” [19, 9]. Проблемы фазисности и аспектуальности Олег Михайлович активно разрабатывает с середины 70-х гг., поручая изучить отдельные аспекты своим ученикам, благодаря чему защищены кандидатские диссертации многих

аспирантов и сотрудников Симферопольского госуниверситета, а также УДН в Москве, куда Олег Михайлович переехал в 1985 г. И снова, как это было и с матрицей, теория фазового членения глагольного процесса стала методом, благодаря которому можно привлекать все новый и новый языковой материал, а следовательно — создавать новые интересные научные работы.

Еще в Симферополе зародилась идея изучать глагольную семантику не изолированно, а в комплексе с глагольными актантами, связав фазовость с залоговостью. Категория залога в русском языке, как известно, не укладывается в рамки противопоставления “актив — пассив”, поэтому для семантической категории Олег Михайлович предложил название “актантная распределенность глагольной семантики”. Именно эта функционально-семантическая категория позволяет сопоставлять данные разных языков, в частности, русского и украинского, в котором пассивные конструкции с постфиксом – *ся* “в противовес другим славянским языкам, оказались на крайней периферии” [3, с. 243], вследствие чего их вывели из парадигмы конструкций страдательного залога, в то время как в русской грамматической традиции все возвратные глаголы (в том числе и неpassивные) рассматривают под углом зрения этой грамматической категории [6, с. 617 – 618]. С учетом актантной распределенности семантики несложно определить место глаголов так называемого “среднего залога” и взаимно-дистрибутивного способа глагольного действия (*перестреливаться, перестукиваться*) в каждом языке. Первой среди работ по актантной функциональности вышла статья 1983 года “Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов” [15]. По этой проблеме также защищен ряд работ, в частности, диссертация А. В. Петрова.

В Москве кафедра, которую возглавил О. М. Соколов, работала в первую очередь с иностранными студентами, для которых русский язык был неродным, и Олег Михайлович сразу же включился в методическую работу, активно используя свои теоретические разработки. Плодотворным оказался и матричный подход, закладывающий основы словообразовательного синтеза, и теория фазовости, дающая ключ к пониманию славянского глагольного вида неславянам, и теория актантной функциональности, а все это вместе стало толчком для создания имплицитной морфологии, т. е. “грамматики, которая описывает скрытые явления” [17, с. 3]. Главную задачу имплицитной морфологии профессор О. М. Соколов видел “в раскрытии функциональной зависимости одних языковых элементов от других. Поэтому имплицитную грамматику следует рассматривать как грамматику зависимостей... Существуют скрытые зависимости между фазово-видовой системой глагола и его залоговой системой, между фазовыми и временными категориями, которые предстоит раскрыть” [17 с. 5]. Если посмотреть на список научных трудов Олега Михайловича последних 10 лет, то становится ясно, что с возникновением новых идей старые не утрачивали своего значения, а в двух брошюрах [12; 17] и монографии, которую нам удалось опубликовать только в 1997 году (хотя, когда Олега Михайловича не стало, рукопись была практически готова), отразились все его разносторонние интересы [18]. В 1991 году вышла статья О. М. Соколова, которая должна была лечь в основу еще одного направления исследования — теории фреймов. “Фрейм — это некото-

рое стереотипное представление о компонентах и структуре ситуации, обозначаемой словом” [23, с. 126]. “Имеются веские основания предполагать, что в русском языке основным конструктором, на базе которого формируется фрейм, является глагол несовершенного вида, а также отглагольный однокорневой субстантив с соответствующей процессуальной семантикой. Несколько иные функции выполняют глаголы совершенного вида. Их семантика более приспособлена для характеристики отдельных фрагментов фрейма, так как почти всегда определяет фазу развития некоторого общего процесса. Однако уже это обстоятельство свидетельствует о том, что и глаголы совершенного вида являются важнейшим лингвистическим конструктором, обслуживающим фреймы” [23, с. 126].

Фреймы формируются на основе определенных закономерных связей. К таким связям относятся:

1. Отношения, определяющие временную последовательность (фазовая детерминация): а) начало — процесс (*закурить — курить*), б) процесс — завершение (*работать — отработать*), в) результат — проявление его как признака (*нависнуть — нависать, разбушеваться — бушевать*), г) длительное действие — его временное прекращение (*сидеть — посидеть*), д) одноразовость — серийность (*подпрыгнуть — подпрыгивать, стукнуть — стучать, крикнуть — кричать*), е) общефактическое — конкретно-фактическое действие (*советовать — посоветовать, рекомендовать — порекомендовать*).

2. Отношения, отражающие причинные связи (каузация), когда объект действия, представленный в одном фрагменте фрейма, становится субъектом в другом его фрагменте (*белить — белеть, топить — тонуть, вешать — висеть*). Элементы каузативности можно наблюдать и в пределах одного многозначного глагола (*оккупировать постепенно — оккупировать полностью, оккупировать несколько лет*).

3. Актантная распределенность семантики, связанная с избирательностью префиксов, характеристика которых направлена на субъект (*заглохнуть — оглохнуть*) и объект (*избить человека, набить морду, забить птицу, убить живое существо, разбить противника, перебить посуду, пробить — о часах*).

4. Таксис (грамматико-временная последовательность событий).

Сопоставление структуры разных фреймов дает возможность обратить внимание на разные аспекты актантной характеристики (схема 1 и схема 2).

Производные от глагола *вешать* характеризуют объект с качественной стороны, а от глагола *висеть* — его “поведение” со стороны временной протяженности. Во втором фрейме различия в префиксальной валентности глаголов практически отсутствуют. Это свидетельствует о том, что “целенаправленное воздействие на объект со стороны действующего лица или среды довольно четко корреспондирует с реальным результатом, отраженным на объекте, а число конечных результатов, зафиксированных при спонтанном развитии процесса, лимитируемо” [23, с. 139].

К сожалению, детально разработать теорию фреймов, исследовать их взаимодействие, отражающее системный характер языка, Олег Михайлович не успел. Этой проблеме посвящена только еще одна его статья [13]. Однако нам остались в

Схема 1.

Структура фрейма 1

вешать -	повесить -	виснуть -	повиснуть -	висеть -	повисеть
	вывесить		зависнуть		провисеть
	развесить		отвиснуть		отвисеть
	навесить				
	навешать				
	перевешать				
	развешать				

Схема 2.

Структура фрейма 2

сушить -	высушить -	сохнуть -	высохнуть
	просушить		просохнуть
	засушить		засохнуть
	обсушить		обсохнуть
	насушить		насохнуть
	пересушить		пересохнуть
	присушить		присохнуть
	посушить		посохнуть
	отсушить		отсохнуть
	усушить		усохнуть
	иссушить		иссохнуть
	пообсушить		пообсохнуть
	досушить		досохнуть
	попросушить		попросохнуть

наследство его работы, написанные, несмотря на обилие плодотворных идей (а возможно, именно благодаря этому), просто, понятно и убедительно. Так же просто, понятно и убедительно он говорил. Тот, кто слушал лекции Олега Михайловича, никогда не забудет их.

Широкая проблематика конференции, посвященной памяти О. М. Соколова, свидетельствует, что его идеи живы и плодотворны.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
2. Богословская З. М. Словарь вариантной лексики сибирского говора / Под ред. О. И. Блиновой. — Томск, 2000.
3. Вихованець І. Р., Городенська К. Г. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматики укр. мови / За ред. І. Вихованця. — К.: Унів. вид-во "Пульсари", 2004. — 400 с.
4. Вопросы глагольного вида: Сборник / Сост. сб., редакция, вступ. статья и прим. проф. Ю. С. Маслова. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. — 438 с.

5. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. — С. 53 – 80.
6. Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
7. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. — Томск, 1964 – 1967 — Ч.1 – 3.
8. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: (Дополнение). — Томск, 1976 – 1977. — Т. I – II.
9. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка: (Материалы для спецкурса). — Томск, 1972. — 218 с.
10. Соколов О. М. Вопросы префиксальной дивергенции // Вопросы языка и литературы. — Томск, 1970. — С. 90 – 169.
11. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Томск, 1971. — 39 с.
12. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского глагола: Морфемика: Учеб. пособие. — М., 1991. — 77 с.
13. Соколов О. М. Лингвистические аспекты теории фреймов // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: языковые и неязыковые факторы / Межвуз. сб. науч. статей. — Барнаул, 1993. — С. 3 – 14.
14. Соколов О. М. Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1959. — 18 с.
15. Соколов О. М. Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов // Исследования лексической и категориальной семантики современного русского языка. — Симферополь, 1983. — С. 3 – 17.
16. Соколов О. М. О построении словаря префиксальной валентности // Вопросы русского языка и его говоров. — Томск, 1976. — Вып.2. — С. 84 – 92.
17. Соколов О. М. Основы имPLICITной морфологии русского глагола: Тексты лекций. — М.: Изд-во РУДН, 1994. — 80 с.
18. Соколов О. М. Основы имPLICITной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 203 с.
19. Соколов О. М. Про дієсловну енантіосемію в російській та болгарській мовах // Проблеми слов'язознавства. — Львів, 1980. — Вип.21. — С. 90 – 97.
20. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. — Симферополь, 1982. — С. 3 – 18.
21. Соколов О. М. Стилистическая характеристика способов глагольного действия в восточно-славянских языках // Проблемы сопоставительной стилистики восточно-славянских языков. — Киев, 1981. — С. 181 – 195.
22. Соколов О. М. Энантіосемія в кругу смежних явлень // Филол. науки. — 1980 — №6. — С. 36 – 42.
23. Соколов О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструктов, формирующих фреймы на глагольно-предикативной основе // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1991. — М., 1991. — С. 124 – 141.

Соколова С. О. Творча спадщина О. М. Соколова та сучасні проблеми мовознавства.

У статті в хронологічній послідовності схарактеризовано проблеми, що входили до кола наукових інтересів професора О. М. Соколова, дано стислий аналіз його поглядів стосовно ключових питань морфеміки, словотвору, лексикології, аспектології, імпліцитної морфології та теорії фреймів, накреслено перспективні напрямки розвитку його ідей.

Ключові слова: варіантність, дієслово, фазовість, опозиція, префікс, імпліцитна морфологія, фрейм.

Sokolova S. O. The creative heritage of professor O. M. Sokolov and the modern problems of linguistic.

This article is devoted to the chronological review of problems, which were included in a field of scientific interests of professor O. M. Sokolov, to the short analyze of his thoughts about the main questions of morphemic, word-formation, lexicology, implicit morphology and Frame's theory, to the description of perspective ways of the development of his ideas.

Key words: variation, verb, phase, opposition, prefix, implicit morphology, frame.

Стаття постуила в редакцію 27 октября 2006 г.